

«ДЕЙСТВИЕ, ПЕНИЕМ ОТПРАВЛЯЕМОЕ» СЕРГЕЙ ХОДНЕВ — ОБ ОПЕРЕ БОЛЬШОГО ОТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ ДО НАШИХ ДНЕЙ

— Федор Шаляпин
в опере «Борис
Годунов» (1913 год)

«Трагедия изъясляет представление печальное; комедия значит веселое позорище; а опера называется действие, пением отправляемое» — так объясняли «роды феатральных всяких представлений» в XVIII столетии, когда был основан Большой. В те времена у Москвы был уже солидный опыт по части знакомства с театром: еще царь Алексей Михайлович, сидя в Кремле, любовался тем, как иноземные певцы и танцовщики под звуки скрипок, клавирина и лютни представляют диковинные «позорища». Его внучка Елизавета Петровна по случаю своей коронации распорядилась построить на берегах Яузы оперный театр на несколько тысяч зрителей. Но историю Большого принято отсчитывать с менее давних времен — с 1776 года. При таком счете Большой все равно оказывается в компании знаменитейших и старейших театров Европы, но те, остальные были, как правило, придворными «оперными домами». А вот Большой (точнее говоря, его непосредственный «предок») возник как частное предприятие.

В те времена в Москве и вокруг нее хватало любителей «действия, пением отправляемого»: многие аристократы выписывали свежайшие оперные новинки из Франции и Италии и располагали солидными исполнительскими силами, состоявшими, правда, из крепостных. Но они действовали для своего удовольствия, а московский губернский прокурор князь Петр Урусов вытребовал высочайшую привилегию на устройство театральных представлений и маскарадов для коммерческих целей. Хотя велик соблазн предположить, что на самом деле инициатива могла исходить от расторопного партнера Урусова англичанина Майкла Мэддокса, человека с богатым и не совсем хорошо изученным прошлым: оксфордский профессор, конструировал наряду с Кулибиным часы для Екатерины II, преподавал математику будущему Павлу I, позже числился в секретных материалах Третьего отделения (под брезгливым ярлыком «англинского жида»).

В 1777 году театр Урусова—Мэддокса, не имевший еще своего собственного здания, дебютировал оперой «Перерождение», составленной из русских песен и имевшей «большой эффект». Князь Урусов вскоре вышел из игры, и первоначальную судьбу будущего Большого Мэддокс в первые годы определял единолично. Именно он купил для театра принадлежавший князю Лобанову-Ростовскому участок в начале Петровки — именно тот, на котором Большой стоит и теперь. Театр, называвшийся тогда Петровским, показывал не только оперы: за первые 25 лет своего существования он представил примерно столько же драматических премьер, сколько опер и балетов вместе взятых. В 1805 году здание театра сгорело, а на следующий год бездомную труппу приобрело ведомство императорских театров — 30 лет спустя после своего основания Большой стал государственным. Спектакли шли то в доме Пашкова, то в спешно построенном чуть позже здании на Арбатской площади. Но после войны 1812 года новую сцену для театра решено было перенести на старое место, на Петровку. Только теперь вместо скученных жилых кварталов перед театром появилась парадная площадь, а сам он впервые стал зваться Большим — поскольку рядышком возник, соответственно, Малый.

По своим габаритам и пропорциям здание, построенное к 1825 году по проекту Андрея Михайлова и Осипа Бове, примерно соответствовало нынешнему, только выглядело на ампирный лад — более строго и более торжественно. Первой полновесной оперной премьерой на новой сцене стал «Дон Жуан» Моцарта. На сцене регулярно шли шедевры итальянского бельканто (тогда еще бывшие просто популярными новинками), несколько раз ставили «Жизнь за царя» Глинки, но преобладающую часть репертуара составляли прочно забытые ныне произведения с пленительными, правда, названиями: «Волшебная лампадка, или Кашмирские пирожники», «Пастушка, старушка, волшебница, или Что нравится женщинам», «Лодоиска, или Благодарный татарин», «Черный латник, или Сын проклятия», «Москаль-чаривник, или Солдат-колдун».

— Петровский театр,
просуществовавший
на месте Большого
до 1805 года